

Страницы истории

ДИПЛОМАТИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ДРЕВНОСТИ (I тыс. до н.э. — V в. н.э.)

Э.В. Ртвеладзе*, А.Х. Саидов**

Постановка проблемы. История дипломатии стран Центральной Азии — составная часть всемирной истории дипломатии и международного права, подтверждающая единство всемирно-исторического процесса, взаимодействие народов и культур в их историческом прошлом. Однако при всем этом имеется и специфика в развитии Центральноазиатского региона и его особый вклад в мировую цивилизацию. Так, благодаря международным и дипломатическим связям, социально-экономическим, политико-правовым и культурно-духовным контактам между народами, моментам взаимовлияния, преемственности и др. история дипломатии стран Центральной Азии носит интернациональный характер, в ней сконцентрирован огромный международно-правовой и дипломатический опыт многих народов Центральноазиатского региона. Этот опыт принадлежит не только прошлому, по различным каналам он вливается в современность, оказывая значительное воздействие на международные процессы. Именно этим в настоящее время объясняется возросший интерес к истории дипломатии и международных отношений. Несмотря на это, история становления и развития дипломатии государств и владений Центральной Азии в древности до сих пор как в международно-правовой, так и в исторической науке недостаточно разработана. Отсутствуют как обобщающие монографии, так и отдельные публикации по этой важнейшей проблеме¹.

Цель настоящей статьи состоит в изложении истории становления и развития дипломатических отношений этого региона с различ-

* Академик АН Республики Узбекистан, доктор исторических наук.

** Доктор юридических наук, профессор сравнительного и международного права, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Редсовета "Московского журнала международного права". Подробнее о нем см. № 1 нашего журнала за 1996 год.

ными государствами древнего мира поэтапно и в хронологическом порядке.

Основой для написания этой статьи послужили греко-римские и китайские письменные источники, позволяющие где кратко, а где и более детально охарактеризовать данную проблему.

Центральная Азия в силу своего географического положения, а также богатого культурного и духовного наследия сыграла важнейшую роль во взаимообмене научными, культурными, правовыми, образовательными и религиозными идеями между Востоком и Западом. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) уделяет большое внимание изучению, восстановлению и популяризации памятников центральноазиатской цивилизации. Подтверждением этому явилась резолюция Генеральной конференции ЮНЕСКО о важности “ускорения организации сети институтов для интеллектуального сотрудничества в изучении Шелкового пути”. В соответствии с этой резолюцией в 1995 году в Самарканде был создан Институт исследований Центральной Азии. Вот уже несколько лет в Ташкенте плодотворно работает Французский институт центральноазиатских исследований.

Кроме того, под эгидой ЮНЕСКО осуществляется выпуск шеститомной “Истории цивилизации Центральной Азии”, первые два тома которой уже вышли из печати. “Центральная Азия, — отмечает в своем предисловии к этому великолепному изданию Генеральный директор ЮНЕСКО Федерик Майор, — является регионом, чье культурное наследие не так уж часто становилось предметом пристального внимания”², поэтому необходимо “отвернуть занавес, так долго скрывавший Центральную Азию”³.

Это образное сравнение особенно справедливо в отношении изучения дипломатии Центральноазиатского региона доисламской эпохи. Этот период, охватывающий не менее двух тысячелетий исторического развития, оказал значительное влияние на всю последующую жизнь региона. Не случайно ему посвящены три из шести томов “Истории цивилизации Центральной Азии”.

Уже в “Авесте”, созданной, вероятнее всего, в первой половине I тыс. до н.э.⁴, содержатся данные о зарождении ранних форм дипломатических отношений. Причем основным гарантом заключения межплеменных договоров и улаживания разногласий и военных конфликтов выступает в ней бог Митра, важнейшей стороной деятельности которого являлись заключение договоров и установление мира.

Так, в одном из старейших гимнов “Авесты” — Михр Яште (гимн Митре) — верховный бог Ахура-Мазда, обращаясь к пророку Спитаме-Заратустре, говорит:

Страну разрушит подлый,
Тот, кто не держит слов,

Он хуже ста мерзавцев
Благочестивых губит.
Будь верен договору,
Ты, данному Спитаме
И лживым иноверцам,
И верным в благочестье.
Ведь слово договора
Принадлежит обоим:
И лживым, и правдивым.

(Перевод И. Стеблина-Каменского.)

В “Авесте” имеются и другие сведения о заключении межплеменных договоров под эгидой бога Митры.

Международные отношения народов Центральной Азии с Мидией и Ассирией. С IX века до н.э. на территории современного Ирана через Кавказ и Центральную Азию происходит миграция иранских племен. Здесь они создали несколько племенных объединений, занявших определенные области, наиболее крупными из которых были Мидия на северо-западе и Парсуа на юго-западе Ирана, стоявшие на пути создания государственных образований.

Первым на историческую арену выходит Мидийское царство, основателем которого был некий Дейок, но подлинного своего могущества оно достигает при царе Киаксаре (625—585 гг. до н.э.)⁵. Этим царем, в частности, были завоеваны Ассирия, Северная Месопотамия, Гиркания, Парфия, Арея и, возможно, часть Согда, то есть южная область Центральной Азии⁶.

По данным Ктесия Книдского, Киаксар также якобы покорил Бактрию, что весьма сомнительно. Более вероятно, что границы Мидийского царства ограничивались с северо-востока Амударьей, где мидяне столкнулись с сакскими племенами.

Согласно Ктесию, в правление мидийского царя Астиабара, отождествляемого с Киаксаром, парфяне подняли восстание и отделились от Мидии. На помощь себе они призвали саков во главе с царицей Зариной, причем продолжавшаяся несколько лет война между саками и мидянами завершилась мирным договором, по которому парфяне при номинальном подчинении Мидии фактически сохраняли за собой прежние владения (Диодоро, II, 34, 1—4). Этот договор является первым известным науке в истории дипломатии Центральной Азии международным договором, который можно датировать концом VII — началом VI века до н.э.

У Ктесия сохранился и другой рассказ о войне парфян и саков с мидянами⁷. Зарина после смерти своего мужа Кидрея выходит замуж за Мермера, династа области Парфиена, после чего началась война с мидянами, которых возглавлял Стриангей. В сражении сакская

армия терпит поражение, а Зарина ранена и взята в плен, но Стриангей, пораженный красотой Зарины, пощадил ее. Позднее Мермер, разбив войска Стриангея и взяв его в плен, решил убить его, но Зарина не только освобождает пленных, но и убивает Мермера, после чего заключает договор о дружбе с мидийским царем, передав ему в управление Парфиену. Это говорит о том, что какие-то формы дипломатических отношений в виде мирных договоров уже существовали в Центральной Азии в доахеменидское время, то есть в VII—VI веках до н.э.

Дипломатия ахеменидского периода (середина VI в. до н.э. — конец IV в. до н.э.). Сако-ахеменидские отношения. Во второй половине VI в. до н.э. западные области Центральной Азии вошли в состав Ахеменидской империи. Завоевание Бактрии, Парфии, Согдианы, Маргианы, Хорезма было осуществлено основателем этой империи Киром (559—530 гг. до н.э.) в процессе его ранних походов⁸. Продвижение ахеменидов на северо-восток неизбежно привело к столкновению их с могущественной сако-массагетской конфедерацией племен. Поэтому для обеспечения безопасности границ Ахеменидской империи Кир предпринял в последние годы жизни военный поход против саков-массагетов, занимавших в это время территорию между низовьями Сырдарьи и Амударьи.

Походу предшествовал обмен дипломатическими посланиями в устной форме между Киром и царицей массагетов Томирис, сохранившимися в передаче Геродота. В частности, Кир предпринял дипломатический маневр, через послов предложив Томирис стать его женой. Однако Томирис разгадала эту хитрость, поняв, что “Кир сватается не к ней, а к царству массагетов, и отвергла предложение” (Геродот, I, 205). Поняв, что хитрость не удалась, Кир начал военные действия против массагетов, переправившись через реку Аракс (Амударью).

В ответ на эти действия Томирис через специального вестника отправила Киру устное послание, смысл которого сводился к тому, чтобы ахеменидский царь прекратил войну и оставил массагетов в покое. Если же Кир не пожелает следовать этому совету и захочет начать войну, она предложила царю отвести свои войска на три дня пути от реки и там сразиться с саками (Геродот, I, 206).

Послание Томирис было обсуждено на военном совещании персидской армии, где Кир принял совет лидийского царя Креза, который предложил перейти реку, продвинуться вперед, насколько отступит враг, оставить в лагере худшую часть войска, различные яства и чистое вино, а остальной армии вернуться к реке.

Хитрость Креза вполне удалась: передовая часть армии массагетов во главе с сыном Томирис Спаргаписом разбила оставшуюся ахеменидскую армию, после чего устроила пир, на котором массаге-

ты предались чрезмерным возлияниям и заснули. Воспользовавшись этим, Кир напал на их лагерь, многих уничтожил, а других взял в плен, в том числе Спаргаписа (Геродот, I, 210—211).

Коварные действия Кира вызвали второе послание к нему Томирис, переданное также в устной форме через специального вестника. В этом послании Томирис предложила Киру вернуть ей сына, а самому с войском уйти из земли массагетов. “Если же не сделаешь этого, — говорила она, — клянусь солнцем, владыкой массагетов, я утолю твою жажду крови, хоть ты и ненасытен”.

Последующие действия показали, что Кир не последовал совету Томирис, а Спаргапис покончил жизнь самоубийством, не выдержав позора.

В последующей жесточайшей битве массагеты одержали полную победу, большая часть персидской армии была уничтожена, сам Кир был убит, а его отрубленную голову Томирис поместила в мешок с человеческой кровью (Геродот, I, 213).

Таким образом, можно заключить, что в ахеменидский период дипломатия как специальная форма выяснения взаимоотношений между различными государствами и племенными объединениями в Центральной Азии получает уже более устойчивый характер: происходит обмен дипломатическими посланиями, правда еще в устной форме из-за отсутствия в данном случае у саков-массагетов письменности, и, вероятно, появляются специальные лица, занимающиеся передачей посланий, которые они должны были выучивать наизусть.

Дипломатические отношения в эпоху эллинизма (конец IV в. до н.э. — вторая половина II в. до н.э.). Политическое господство эллинов в Центральной Азии, начавшееся с захвата большей ее части Александром Македонским в 330—327 годах до н.э., продолжалось почти 200 лет вплоть до падения Греко-Бактрийского царства в начале второй половины II века до н.э.

Дипломатические отношения в это время можно разделить на два периода: первый период — отношения Александра Македонского с народами Центральной Азии; второй период — время вхождения южных ее областей в состав эллинистических государств — Селевкидского и Греко-Бактрийского.

Первый период. Согласно Арриану, в 329 году до н.э. во время пребывания Александра в Мараканде к нему пришло посольство от скифов-абиев, а также от европейских скифов. Под предлогом договора о дружбе Александр отправил к ним ответное посольство, настоящая цель которого, однако, состояла в том, чтобы узнать природу скифской земли, выяснить количество народонаселения и состав вооружения (Арриан, IV, I, 1—2; Квинт Курций Руф, VII, 6, 12).

В следующем году Александр совершил поход в Устрашану, где на берегу Танаиса (Сырдарья) им был выстроен город Александрия

Эсхата, по-видимому на месте Ходжента. Затем на правом берегу этой реки состоялось сражение со скифами, завершившееся их поражением, после чего к Александру явились послы от скифского царя с предложением мирного договора и извинениями за действия отдельных групп скифов, но не самого царя, который был готов подчиниться Александру. Александр на это любезно ответил, что доверят царю, но военные действия будут вести до полной победы. В 328 году до н.э. в Мараканду прибыло новое посольство от европейских скифов, с которым вернулось и ранее посланное к ним посольство Александра. Скифские послы передали ему предложение своего царя о заключении мирного договора и преподнесли дары. Царь скифов предлагал выдать свою дочь за Александра, а дочерей скифских вельмож, в свою очередь, за “верных друзей” Александра. В ответном дружжелюбном послании Александр, однако, отказался от предложений скифов (Арриан, IV, 15, 1—4).

В том же году в Мараканду к Александру прибыло посольство от царя Фарасмана в сопровождении 1,5 тыс. конников из Хорезма — первого суверенного государства на территории Центральной Азии, созданного, по-видимому, после освобождения от Ахеменидской империи в 330 году до н.э.

Фарасман поведал Александру о своем царстве, которое граничило с колхами и амориками, предложил ему военный союз и помощь в походе на эти народы и другие племена, проживающие у Эвксинского (Черного) моря. Некоторые сведения в этом рассказе вызывают сомнение, в частности то обстоятельство, что хорезмийцы проживали по соседству с колхами — жителями Западной Грузии, что предполагает распространение границ Хорезмского царства вплоть до Кавказского хребта.

Александр поблагодарил Фарасмана, но в ответной речи указал, что подобный поход был бы несвоевременен и его следует отложить до завоевания Индии и возвращения его в Элладу, откуда он предполагал совершить поход в Причерноморье. После пребывания в Мараканде Фарасман в сопровождении правителя Бактрии Артабазы вернулся на родину (Арриан, IV, 15, 1—4; Квинт Курций Руф, VIII, I, 8—9).

Таким образом, первый период характеризуется возросшей дипломатической активностью государств и племенных объединений Центральной Азии, выразившейся в заключении различного рода мирных договоров и военных союзов с Александром Македонским. Не исключено, что уже в это время (а возможно, и несколько ранее) здесь формируется определенный род людей, специализирующихся, если можно так сказать, на дипломатической деятельности.

Второй период (конец IV в. до н.э. — начало второй половины II в. до н.э.) характеризуется вхождением части юга Центральной

Азии в состав эллинистических государств — Селевкидов (конец IV — середина III в. до н.э.) и Греко-Бактрийского (середина III — начало второй половины II в. до н.э.), широким распространением эллинистической культуры. В это же время, в середине III века до н.э., на юго-западе Центральной Азии было создано выходцами из центральноазиатских кочевников Парфянское государство, а в Центральноазиатском междуречье во II веке до н.э. — ряд самостоятельных государств — Кангюй, Давань. Судя по монетному чекану, какие-то местные владения возникают и в Бухарском и Самаркандском Согде. Сильным и независимым оставалось в это время Хорезмийское царство, возникшее, по-видимому, в конце IV века до н.э. после освобождения от ахеменидского господства.

Таким образом, в этот период наряду с сохранением эллинистического государства — Греко-Бактрийского царства — происходит активный процесс формирования местных государственных образований и объединений. Несомненно, что все эти государства поддерживали определенные формы дипломатических отношений и союзов, но, к сожалению, в письменных источниках не сохранилось сведений об этом.

Известно, к примеру, о парфяно-греко-бактрийских военных договорах и союзах, заключенных, в частности, Диодотом II, по-видимому, после 237 года до н.э. с Тиридатом (Юстин, XI, 1, 4, 9) в борьбе с их общим врагом — Селевком II, попытавшимся вновь завоевать Центральную Азию⁹.

Имеются сведения и о других договорах, заключенных греко-бактрийскими царями. Так, селевкидский царь Антиох III (223—187 гг. до н.э.) предпринял в 208 году до н.э. поход против греко-бактрийского царя Евтидема (230—200 гг. до н.э.), войска которого он разгромил в сражении на реке Герируд (Теджен). В 206 году до н.э. между ними начались переговоры, в результате которых был заключен мирный договор, по которому Евтидем при сохранении царской власти отдал своих боевых слонов и признал в определенной мере власть Антиоха III, от которой, впрочем, он вскоре освободился¹⁰.

Между 141 и 129 годами до н.э. Греко-Бактрийское царство пало над напором сакских и юэчжийских племен. Вместе с тем происходит крушение господства эллинов на юге Центральной Азии, хотя небольшие их владения продолжали сохраняться в Северной Бактрии и Южном Согде и спустя много лет после этих событий.

Северная, а впоследствии и Южная Бактрия были заняты юэчжами, переселившимися сюда под давлением хуннов. Впоследствии одним из юэчжийских родов — кушанами — была образована Великая Кушанская империя, и именно юэчжи послужили первопричиной открытия китайцами для себя Западного края, как в ту пору они именовали Центральную Азию.

Дипломатические отношения стран Центральной Азии с Китаем в эпоху правления династии Хань (206 г. до н.э. — 222 г. н.э.). Первый период (конец II в. до н.э. — первая половина I в. н.э.). Со времени своего создания империя Хань проводила агрессивную экспансионистскую политику, стремясь выйти за пределы небольшой территории в междуречье Хуанхэ и Яньцзы, которой она владела. Особенно усилилась эта тенденция при императоре У-ди (140—87 гг. до н.э.), уделявшем большое внимание западным территориям¹¹.

Миссия Чжан Цзяня. Западный край — Центральная Азия и Восточный Туркестан, — как считают, оставался неизвестным для китайцев вплоть до путешествия Чжан Цзяня. Но это вовсе не означает, что они совсем не знали, что на западе от них существует огромный край, заселенный многочисленными народами. Есть сведения, что еще до этого путешествия из области Кангюй в Китай было отправлено посольство.

Но несомненно и то, что только при ханском императоре У-ди были предприняты активные попытки установления дипломатических отношений с населяющими этот край народами, разведка караванных дорог с целью его колонизации и дальнейшего продвижения на запад.

Первопричиной дипломатических контактов Китая с Западным краем была война, развернувшаяся в первой половине II в. до н.э. между двумя наиболее могущественными племенами Центральной Азии — хуннами и юэчжами, или тохарами, как они назывались в греческих источниках.

В этой войне юэчжи потерпели поражение и были вынуждены в большей своей части с территории современной провинции Ганьсу, где они первоначально обитали, переселиться в Семиречье. Но и здесь хунны настигли юэчжей, убили их вождя, из черепа которого сделали сосуд для питья. Юэчжи двинулись на юг Центральной Азии — в Бактрию, где наряду с другими племенами участвовали в разрушении Греко-Бактрийского царства, а много лет спустя их потомки создали Кушанскую империю.

Юэчжи, опасаясь хуннов, искали для себя союзников в борьбе с ними. В свою очередь, Ханьский Китай, часто страдавший от набегов воинственных хуннов, прослышав о желании юэчжей, начал искать пути для установления подобного рода союзнических отношений.

Осуществить эту миссию вызвался уроженец области Хан Чжун, начальник привратного караула по имени Чжан Цзянь, который, видимо за свои доблести, был выбран из числа других претендентов. Об этой миссии Чжан Цзяня рассказано в Шицзы. В свой путь на запад Чжан Цзянь отправился вместе с хуннским проводником Та-

ньи Хунуганьфу. Однако по дороге он был задержан хуннами и приведен ими к их князю, который совершенно резонно спросил у Чжан Цзяня, по какому праву китайский император отправляет посланника к юэчжам через хуннские земли. Чжан Цзянь был задержан и оставался в плену у хуннов около десяти лет, его женили на хуннской женщине, которая родила ему сына.

Однако, воспользовавшись предоставленной ему свободой, он вместе со своими спутниками бежал на запад и спустя несколько десятков дней прибыл в Давань — древнюю историко-культурную область, где ныне находится Фергана.

Правитель Давани в разговоре с Чжан Цзянем высказал свое желание установить дипломатические отношения с Домом Хань. Тот ответил, что если его проводят к юэчжам, то по возвращении в Китай император вознаградит даваньского правителя большим числом даров. Впоследствии в своем послании к императору Чжан Цзянь писал, что даваньцы занимаются земледелием, сеют рис и пшеницу, у них много виноградников и вина, в Давани — до 20 больших и малых городов.

В первой миссии Чжан Цзянь из Давани в сопровождении специально выделенных ему проводников был переправлен сначала в Кангюй — многоплеменное владение, занимающее обширную территорию северной и центральной части Центральноазиатского междуречья и земли по правую сторону Сырдарьи. А затем из Кангюя Чжан Цзянь в 128 или 126 году до н.э. со своими спутниками отправился к Большим Юэчжам. К этому времени юэчжи потерпели новые поражения от хуннов, которые убили юэчжийского правителя, а на престол возвели его старшего сына. Тот решил сменить свое прежнее местопребывание, опасаясь новых войн с хуннами, и ушел вместе со своим племенем на юг, покорив территорию к северу от реки Гуйшуй (Амударьи), примерно в пределах современной Сурхандарьинской области Узбекистана и юга Таджикистана, а затем захватил и область к югу от этой реки, которую китайские источники именуют Дахя, местное население — Бактрия, а греки — Бактрианаю.

В середине или в начале второй половины II в. до н.э. Бактрия была завоевана кочевыми племенами сакаравлов, асиев, пасиан и тохаров. По-видимому, от искаженного в китайской передаче названия народа тохаров происходит слово “Дахя”. В более поздних источниках наименование этой области передается как Тохаристан, что означает — “страна тохаров”.

По данным Шицзы, “Дахя лежит с лишком в 2000 ли от Давани на юго-запад, на южной стороне реки Гуйшуй. Там ведут оседлую жизнь, имеют города и дома”.

К тому времени юэчжийский правитель отказался от отмищения хуннам, предпочитая мирный образ жизни на заселенных его племенем новых территориях.

В Бактрии Чжан Цзянь пробыл более года и, ничего не добившись, южной дорогой пытался пробраться обратно в Китай, но был вновь захвачен в плен хуннами. Из нового плена спустя год Чжан Цзянь вместе с женой и проводником Таньганьфу бежал, воспользовавшись междоусобицей в хуннской орде, и сумел добраться до Китая.

Его первая миссия в Западный край продолжалась 13 лет, а из 100 спутников, отправившихся с ним в Китай, вернулись только двое — сам Чжан Цзянь и его проводник.

По возвращении в Китай Чжан Цзянь написал подробное донесение императору о тех странах, которые он посетил и о которых слышал от местных жителей. В частности, он привел первые сведения о Западном Средиземноморье, странах Тяочжи (Малая Азия или Восточное Средиземноморье) и Личань (вероятно, Египет или Древний Рим, который китайцы также называли Фолинь или Дацинь).

В своем донесении Чжан Цзянь привел подробные сведения о центральноазиатских владениях (Давань, Усунь, Кангюй, Даха, Янцай, Большой Юэчжи), об их местоположении, столицах, дорогах, роде занятий, обычаях, численности населения и войск. В частности, он писал, что владения Кангюй и Большой Юэчжи имеют сильное войско, которое можно нанимать на службу, а если будет случай склонить их в подданство, то можно распространить китайские владения почти на 10 тыс. ли.

По прибытии в Китай Чжан Цзянь получил, так же как и его спутник, знатный чин, а затем за успехи в войне с хуннами княжеское достоинство Бо-ван-хуэ и военные должности Сяоюй и Вэйюй (начальник определенного контингента войск).

Однако все эти чины и достоинство Чжан Цзянь потерял в 122 году до н.э., когда вверенное ему войско опоздало к месту сражения китайцев с хуннами, в результате чего большая часть китайцев была окружена и погибла, а сам Чжан Цзянь был приговорен к отсечению головы, но помилован.

Опала Чжан Цзяня продолжалась несколько лет. За это время китайцы в нескольких сражениях разбили хуннов и добрались до Соленого озера — Лобнор. Перед ними открывалась прямая дорога в Центральную Азию.

В связи с этим ханьский император вновь стал интересоваться положением дел в центральноазиатских владениях, в частности в Дахе и Усуни, и возможностью их присоединения к Китаю.

Для бесед с императором был призван Чжан Цзянь, который составил для него подробное донесение, характеризующее положение дел у усуней. Он, в частности, писал, что усуньский правитель Гуньмо сумел освободиться от опеки хуннов и, если правильно проводить политику, можно присоединить к Китаю Усунь, Даха и другие центральноазиатские владения.

Данное донесение сыграло решающую роль в назначении Чжан Цзяня ханьским приставом, в помощь ему было придано 300 ратников с двумя лошадьми при каждом и до 10 тыс. голов быков и баранов, он получил большое количество подарков. Вместе с Чжан Цзянем в Усунь отправился большой штат помощников с бунчуками, которые назначались посланниками в различные среднеазиатские владения.

Переговоры с верховным правителем усуней Гуньмо не привели, однако, к желаемым для Китая результатам, так как усуньское владение было разделено на три части, правители которых вели самостоятельную политику.

Тем не менее, будучи у усуней, Чжан Цзянь сумел организовать отправку китайских посланников в Давань (Фергану), Кангюй (Согд, Хорезм), Дахя (Бактрия), Большой Юэчжи (Северная Бактрия), Аньси (Бухара или Бактрия).

После этого он вернулся в Китай в сопровождении небольшого усуньского посольства, главе которого Гуньмо поручил собрать как можно больше сведений о китайском дворе¹².

Спустя год, в 104 или 103 году до н.э., после возвращения в Китай Чжан Цзянь, занявший к тому времени важный государственный пост, скончался.

А еще через год в Китай вернулись посланники, отправленные Чжан Цзянем с различными заданиями в вышеназванные владения, вместе с ними прибыли в Китай посольства от них. Это были, собственно, первые дипломатические посольства из Центральной Азии.

Именно с этого времени наступает эпоха различного рода интенсивных сношений государств Центральной Азии и Китая, продолжавшихся много столетий, и это еще один важный итог миссии Чжан Цзяня.

Четырнадцать лет своей жизни он провел среди народов Центральной Азии, завоевав непререкаемый авторитет.

В Шицзы сказано, что “Бо-ван-хэу Чжан Цзянь умел приобрести расположение иностранных дворов и по сей причине и иностранцы вознесли доверенность к нему”.

Китайско-ферганские взаимоотношения. Первой страной этого региона, с которой Китай установил отношения, первоначально ставшие весьма напряженными, была Давань (Фергана). Причем одной из основных причин военных столкновений между двумя странами послужили знаменитые лошади Ферганы “небесной породы”, о которых император У-ди узнал из рассказа Чжан Цзяня.

Согласно Шицзы, У-ди отправил к правителю Давани специального посланника со 100 ланами золота и золотым конем с просьбой прислать ему в обмен на эти дары даваньских аргамаков.

Однако правитель Давани отказал китайскому посланнику в его просьбе, не пожелав отдать лошадей. При этом он полагал, что из-за большой отдаленности Китай не сможет послать в Давань свои войска. Это вызвало гнев посланника, и он ответил грубостью на отказ даваньского владетеля. Выражаясь современным языком, возник скандал, причем посланник был убит (видно, в ту пору еще не существовало понятия дипломатической неприкосновенности), а его веда были конфискованы в пользу даваньского владетеля¹³.

В ответ на это китайский император послал в Фергану почти 100-тысячную армию во главе с полководцем Ли Гуан-ли. Началась китайско-даваньская война, продолжавшаяся четыре года и закончившаяся поражением Давани.

На место прежнего ее владетеля Мугуа, казненного по приказу Ли Гуан-ли, был посажен один из старейшин — Моацай, и китайцы, получив 3 тыс. лошадей, отправились в обратный путь.

Спустя год даваньские старейшины убили Моацая из-за его прокитайских настроений, а на престол возвели его младшего сына Чжань-фыня.

Последний заключил мирный договор с Китаем (это был первый договор между этой страной и одной из стран Центральной Азии), отправив своего сына в заложники и взяв на себя обязательство ежегодно отправлять в Китай по паре лошадей “небесной породы”. В ответ императорский двор, чтобы укрепить мирные отношения с Даванью, отправил туда посланника с дарами. Отправляясь из Давани в обратный путь, китайский посланник взял с собой виноград и семена растения му-су (люцерны), которые затем были посеяны китайским императором у дворца на большой территории¹⁴. Таким образом Китай впервые познакомился с виноградом и люцерной, важнейшими сельскохозяйственными культурами.

После завершения даваньско-китайской войны дипломатическая деятельность Китая в Западном крае стремительно развивается. Согласно “Истории Старшего Дома Хань”, ежегодно в различные государства Центральной Азии при императоре У-ди отправлялось не менее десяти посольств¹⁵.

Китайско-парфянские дипломатические отношения. В конце II века до н.э., по Г. Дабсу — между 111—105 годами до н.э., Китай по инициативе императора У-ди впервые устанавливает дипломатические отношения и с Парфянским царством, именуемым в китайских источниках Аньси. Китайский посланник был торжественно встречен на восточной границе военачальниками, 20 тыс. всадников и препровожден в столицу парфянского государства¹⁶.

В обратный путь китайское посольство отправилось с парфянским посланником, который привез в качестве подарков китайскому императору фокусников из Личаня (город Александрия в Египте) и ознакомился с Китаем¹⁷.

Выдающимся результатом этих посольств и открытия Западного края являлось возникновение Великого шелкового пути — первой в истории цивилизаций трансконтинентальной дороги, соединившей страны Запада и Востока.

Огромную роль в его создании сыграли народы Центральной Азии, в особенности согдийцы. Торговые фактории согдийцев возникали вдоль всей восточной трассы Великого шелкового пути от Самарканда до Чань аня, а согдийский язык стал *lingva franca* для всех народов, обитавших вдоль этого пути.

Китайско-кангюйские дипломатические отношения. Дипломатические отношения Ханьского Китая с Кангюй, еще одним центральноазиатским государством, складывались несколько по-иному. Обладая значительной военной мощью (в состав его в определенное время входили Хорезм, Согд, Чач и другие владения Трансоксианы), Кангюй проводил независимую от Китая политику, не признавая в дипломатических отношениях превосходство китайцев¹⁸. Так, согласно данным “Истории Старшего Дома Хань”, китайские посланники на приемах у кангюйского правителя занимали места ниже усуньских и обед им подавали позже, чем усуньским князьям и старейшинам¹⁹.

Однако Китай, очень дороживший приобретенной известностью в Западном крае, во что бы то ни стало стремился удержать здесь свои позиции, мирясь с подобным положением. Не признавая Китай своим сюзереном, как, к примеру, усунь, кангюйский правитель, тем не менее, отправлял своих сыновей на службу при императорском дворе.

Китайцы считали, что это был хитрый предлог, способствующий развитию торговли Кангюя с Китаем.

Дипломатические отношения юэчжей с Китаем. Несмотря на то что при посещении Чжан Цзяном Бактрии юэчжи, по-видимому, отвергли предложение о военном союзе с ними и Китаем против хуннов, дипломатические отношения между ними продолжали развиваться.

Одним из важнейших достижений этих отношений стало проникновение буддизма в Китай, чему немало способствовали юэчжийские посольства в Китай и китайские посольства в Бактрию.

В китайских письменных источниках переданы две основные версии знакомства китайцев с буддизмом.

Согласно первой из них, изложенной во введении к “Сутре в сорок два отдела” ханьский император Минди (58—75 гг.) отправил группу посланников в страну юэчжи дабы получить священные тексты. Эта миссия имеет разные датировки — 60, 61, 64 и даже 68 годы. После трех (а по одной из версий — одиннадцати лет) посольство вернулось с текстом или переводом “Сутры в сорок втором

отделе". Вместе с посольством в Китай прибыли и первые иностранные миссионеры-буддисты — Кашьяпа Матанга и Дхармаратна, после чего император построил буддийский монастырь Пай-массу, или Баймасы.

У ученых существует различное мнение в оценке этой версии, так китайский ученый Таньан-тун не исключает возможности использования этой версии как исторического факта²⁰. Напротив, Н. Масперо считал эту версию частью фикции, пропагандистской историей, полной анахронизмов. По его мнению, она появилась в III веке, получив дальнейшее развитие в IV—V веках²¹.

Вторая версия излагает следующие события. Согласно традиции, сложившейся в начале III века, китайский посланник ко двору юэчжей, студент императорской академии Чин Лю (имеются различные формы написания его имени) был обучен юэчжийским кронпринцем буддийским сутрам во 2 году до н.э. Эта история впервые изложена в очень испорченном пассаже об Индии из Ши-дзун-ган Вей-Лео, созданном около III века. Полностью этот пассаж выглядит так: "В древности, в правление императора Ай из династии Хань, в первый год периода Ян-шоу (2 г. до н.э.), студент императорской академии Чин Лю получил от И-изуна — посланника царя Великих Юэчжей — устную инструкцию о буддистских Сутрах"²².

Е. Цюрхер считал, что Чин Лю получил эту инструкцию от юэчжийского посланника, вероятнее всего, в столице Китая. Э. Шавань предлагал внести поправку в текст этого пассажа, основанную на двух поздних параллельных версиях этой истории: "62-й студент императорской академии Чин Лю отправился с миссией к Великим Юэчжам. (Юэчжийский царь) приказал кронпринцу обучить его в устной передаче буддистским сутрам"²³. Как указал Е. Цюрхер, Э. Шавань полностью исправляет этот пассаж из текста Вей-Лео. Получается, что Чин Лю научился буддистским сутрам не в Китае при дворе императора от И-изуна, юэчжийского посланника, а сам, будучи посланником китайского императора к Великим Юэчжам, обучился им от юэчжийского кронпринца на земле юэчжей.

И в исторической оценке последней версии тоже существуют противоречия. Одни считают ее недостоверной, другие — исторически верной. Подводя итоги, Е. Цюрхер указал, что эта версия не находит подтверждения в китайской официальной истории "Хань-шу", где отсутствуют сведения о китайском посольстве к юэчжам во 2 году до н.э. или о юэчжийском посольстве в Китай в том же году, и что сведения об этом появляются лишь в III веке. По его мнению, этот материал нельзя использовать для исторических выводов²⁴.

При этом Е. Цюрхер обращает внимание на то, что традиция, связанная с первым появлением буддизма в Китае, упорно увязывает это важнейшее событие с юэчжами, а следовательно, и с Бактрией-

Тохаристаном, где, согласно Р.Ч. Багчи, буддизм мог появиться еще в конце III века до н.э. при царе Ашоке²⁵. Таким образом, если мы не имеем подтверждения этому событию в “Хань-шу”, вовсе не исключено, что юэцжи способствовали проникновению буддизма в Китай, ведь традиция, какая бы она ни была, опирается на некогда существовавшие реальные факты. Подтверждением широкого распространения буддизма в Бактрии, особенно в северной ее части, являются обнаруженные здесь памятники раннего буддизма: Айр-там, Дальверзинтепа, Каратепа, Фаязтепа, время возведения которых относится к I—II векам.

Таким образом, для данного периода характерны установление дипломатических отношений Ханьского Китая со странами и владениями Центральной Азии, их регулярность, заключение различной формы договоров. Дипломатическая активность Ханьского Китая в Центральной Азии, а также, вероятно, война с Даванью привели к признанию некоторыми из этих владений вассальной зависимости от Ханьского Китая. Согласно китайским письменным источникам, в Западном крае было первоначально 30 владений, а к началу I века их количество увеличилось до 55. Зависимость некоторых из них была чисто номинальной, а другие — как Кангюй — вообще не признавали главенство Китая, обращаясь с его посланниками в унижительной форме.

В китайских письменных источниках сообщается, что для управления Западным краем назначены наместник и военный пристав, что кажется сомнительным.

В этом отношении характерно одно сообщение “Истории Старшего Дома Хань”, где говорится, что китайские послы “без наличных денег не могли получить ни пищи для себя, ни скота для верховой езды, и сему причина — отдаленность Китая”²⁶. Если бы зависимость данных владений была значительной, то лица, находившиеся на государственной службе, в данном случае империи Хань, не попадали бы в подобное положение.

Вероятнее всего, что так называемый наместник и пристав были ответственными лицами за дипломатические отношения, но не занимались вопросами, связанными с управлением владениями в Центральной Азии. Важным результатом установления дипломатических отношений между Ханьским Китаем и Центральной Азией явилось развитие торговых и культурных связей, о чем свидетельствуют как письменные источники, так и археологические данные.

Так, сообщается, что даваныцы получили из Китая серебро и золото и употребили их на изготовление различных изделий, но не монет. Из Давани (Ферганы) китайцы вывезли наряду с лошадьми “небесной породы” такие сельскохозяйственные культуры, как виноград и люцерна, затем в широком масштабе разведенные в Китае.

Отсюда в Центральную Азию стали поступать изделия из лака и шелковые ткани.

Китайцы наладили в Центральной Азии чугунолитейное производство, чему способствовали бежавшие из китайских посольств служащие²⁷.

Согласно археологическим данным, из Китая в Центральную Азию, в особенности в Фергану и отчасти в Согд, проникают китайские бронзовые монеты ушу²⁸, положившие, по-видимому, начало развитию в Фергане денежных отношений. В массовом количестве в Центральной Азии найдены знаменитые китайские бронзовые зеркала нескольких типов²⁹, изредка встречаются изделия из нефрита³⁰.

В 7 году власть в Китае захватил Ван-ман (7—23 гг.), в китайской истории считающийся узурпатором. После этого дипломатические отношения стран Центральной Азии и Китая были прерваны.

Приход к власти Младшего Дома Хань в 25 году также первоначально не способствовал развитию этих отношений, хотя в правление императора Тянь-ву из одного из центральноазиатских владений было отправлено посольство в Китай с просьбой принять его в подданство и назначить китайского наместника. Согласно "Истории Младшего Дома Хань", Западный край находился в разрыве с Китаем в течение 65 лет и только в 74 году они возобновили различные формы взаимоотношений³¹.

Младший Дом Хань, в отличие от своих предшественников, первоначально придерживался несколько иной политики в отношениях с Западным краем. Правители из этого Дома считали, что бремя финансовых расходов на осуществление связей с ним было весьма тяжелым для Китая, и по этой причине они становятся нерегулярными.

Более прочному установлению дипломатических отношений владений Центральной Азии с Китаем способствовал поход китайского полководца Бань Чао в Западный край. По свидетельству "Истории Младшего Дома Хань", Бань Чао с войском прошел всю Центральную Азию и достиг даже Западного моря³² (по-видимому, Каспийского или Аральского).

После этого похода ко двору императора явились посольства из Центральной Азии с данью. Однако это были, вероятно, отдельные случаи, так как, по данным того же источника, владения Западного края то прекращали, то возобновляли связи с Китаем³³. В основном здесь, видимо, имеются в виду отношения с Кангюем, состоящим в то время из пяти главных владений: Ги (вероятно, Бухара), Сусе (Кеш), Фуму (Самарканд), Юни (Чач) и Юзгано (Хорезм) и множества более мелких.

Дипломатические же отношения с Аньси (Парфией) и возникшим в I веке могущественным Кушанским государством, в состав которого вошла Северная Бактрия до Гиссарского хребта, составляли, вероятно, особую статью.

Во всяком случае, Парфия продолжала поддерживать дипломатические отношения с Китаем, ограничившись присылкой посланника с дарами в виде редкостных животных. Так, в правление императора Чжан-ди в 87 году в Китай был отправлен посланник, привезший с собой в качестве дара льва и зверя дубу, а в 101 году парфянский государь Манькюй (вероятно, Митридат) послал ко двору льва и страуса³⁴. Следует также отметить, что именно через территорию Парфии по повелению Бань Чао некий Гань Ин в 97 году первым из китайцев достиг Средиземного моря, подробно описав при этом находящиеся здесь страны³⁵.

Дипломатические отношения владений Центральной Азии с Китаем в III—IV веках. Дипломатические отношения различных владений Центральной Азии и Китая в период правления в ней династий Цао Вэй (220—265 гг.), Цзинь (265—480 гг.) и Западного Вэй (386—556, 557 гг.) приходят в полное расстройство, чему в немалой степени способствовала военно-политическая обстановка.

Происходит крушение великих империй древности — Кушанской и Парфянской; на территории входившей в состав Кушанского государства Северной Бактрии образуется ряд самостоятельных владений, а в юго-западной части Центральной Азии после падения Парфянского государства устанавливается власть сасанидов. Кангюй также, вероятно, в это время распадается на множество мелких независимых владений. С северо-запада и северо-востока в Трансоксиану вторгаются племена хионитов и кидаритов.

Неустойчивостью политической обстановки, династической борьбой, усугублявшейся вторжением хуннов и жужаней, характеризуется это время и в Китае.

Примечательно, что для второй половины III века н.э. — начала V века фактически отсутствуют сведения о каких-либо формах дипломатических отношений центральноазиатских владений с Китаем.

Более того, сообщается, к примеру, что во время царствования императора Минь-юаня (409—452 гг.) “совсем не принимали послов из Западного края”³⁶.

Возобновление этих отношений связано с именем императора из династии Вей Тай-У (424—452 гг.), который отправил в Центральную Азию большое посольство во главе с чиновниками департамента императорских советников Дунь Ванем и Гао Минем, снабдив их большим количеством даров, в том числе парчой и шелковыми тканями³⁷.

В Центральную Азию миссия Дунь Ваня проникла северным путем, первоначально попав к усуням, обитавшим в Семиречье, государь которых принял их с большим почетом. При этом усуньский государь сообщил Дунь Ваню, что государства Полона (Фергана) и Чжеше (Чач) давно мечтают об установлении связей с Китаем, “но жалеют об отсутствии дорог”, что надо понимать не как вообще их

отсутствие, а как то, что жужани и хунны фактически перекрыли эти дороги, прервав сношения Китая с Центральной Азией если не полностью, то в значительной мере.

От усуней Дунь Вань отправился в Фергану, а Гао Минь — в Чач, где они заключили договор о признании этими владениями вассальной зависимости от Китая и вручили подарки.

Значение миссии Дунь Ваня, восстановившей прерванные на многие годы дипломатические отношения стран Центральной Азии с Китаем, можно в какой-то мере приравнять к значению миссии Чжан Цзяня, открывшей для Китая Западный край.

В обратный путь с Дунь Ванем отправились посольства 16 государств Центральной Азии, и, как свидетельствует “Бей шу”, “с этого времени посольства прибывали одно за другим и не проходило года, чтобы не появилось несколько государственных посольств”³⁸.

Значительная активизация дипломатических и другого рода взаимоотношений владений Центральной Азии с Китаем, превосходящая все предшествующие, происходит в пору правления в Китае династии Тан (628—907 гг.) до второй половины VIII века, когда продвижение Китая в Центральную Азию было остановлено рабами, однако этот период не рассматривается в данной статье.

Анализ вышеприведенных данных показывает, что дипломатия как особая форма международных отношений зарождается в Центральной Азии уже в первой половине I тысячелетия до н.э., но ее становление и развитие приходится на первые века до н.э. — первые века н.э.

Если на ранней стадии развития особое значение в силу определенных политических причин имели дипломатические отношения с Ираном и эллинистическими государствами Запада, то с конца I тысячелетия до н.э. основное место в них занимает Китай.

Дипломатические отношения с различными династиями, правящими в этой стране, имели неоднозначный характер. Если в эпоху правления династии Старшего Дома Хань они носили весьма активный характер, то в начале правления династии Младшего Дома Хань приходят в упадок, но затем, хотя и нерегулярно, возобновляются.

Военно-политическая обстановка в Центральной Азии, набеги кочевых племен жужаней, хуннов, хионитов, кидаритов, династическая борьба в Китае привели к почти полному прекращению этих отношений.

Их возобновление происходит лишь во второй четверти V века, но это связано, по-видимому, с поиском Китаем союзников в Центральной Азии в борьбе с кочевыми племенами, а также с изменением государственной политики в отношении государств Центральной Азии, с возобновлением своей традиционной экспансионистской политики в этом регионе.

Не исключено, что в государствах Центральной Азии в это время уже существовали специальные ведомства, осуществлявшие международные отношения, определенная прослойка лиц, специализировавшихся в этой области. Во всяком случае, имеются данные о наличии посланников, их помощников, толмачей (переводчиков).

Таким образом, дипломатия в Центральной Азии имеет давние вековые традиции.

¹ Не касаясь истории изучения дипломатии стран Центральной Азии, тем не менее отметим, что наиболее обстоятельно она рассмотрена Б.А. Литвинским в отдельных разделах "Истории таджикского народа". — Т.1. — М., 1963.

² History of Civilization of Central Asia// UNESCO Publishing. — Vol. II. — 1995. — P. 5.

³ Ibid. — P. 6.

⁴ Дьяконов И.М. История Мидии. — М., 1956; Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. — М., 1970.

⁵ Дьяконов И.М. Очерки по истории древнего Ирана. — М., 1962.

⁶ Литвинский Б.А. Древнейшая Бактрия//ИТН. — Т. I. — 1960. — С. 158—159.

⁷ См. Паньков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. — Душанбе, 1975. — С. 71; Григорьев В.В. О скифском народе саках. — СПб., 1871. — С. 20—23.

⁸ См. Литвинский Б.А. Средняя Азия под властью Ахеменидов (VI—IV вв. до н.э.)/ИТН. — Т. I. — С. 190—191.

⁹ Литвинский Б.А. Греко-Бактрия, Парфия. — С. 299. О парфяно-греко-бактрийских взаимоотношениях подробно см. Rtveldadze E. Parthia and Bactria. The land of Griphones. Papers an Central Asian archeology in antiquity. — Torino, 1996. — P. 182—190.

¹⁰ Литвинский Б.А. Греко-Бактрия, Парфия. — С. 301.

¹¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии. — Т. II. — М.—Л., 1950. — С. 151.

¹² Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. — М., 1950. — С. 143.

¹³ Hirth F. The story of Vchang-Rien//JAOC. — 1917. — Vol. 37. — Pt. 2. — P. 97—98; ИТН. — Т. II. — 1962. — С. 342.

¹⁴ Бичурин Н.Я. Указ. соч. — Т. II. — С. 147—168.

¹⁵ Там же. — С. 187.

¹⁶ Там же. — С. 173.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Вельгус В.А. Известия о странах и народах Африки. — М., 1973. — С. 104—110.

¹⁹ Зуев Ю.А. К вопросу о взаимоотношениях усуней и канцзюй с Китаем во второй половине I в. до н.э./Известия АН КазССР. Серия истории, философии и права. — Вып. 2. — Алма-Ата, 1954. — С. 62—72.

²⁰ Zurcher E. The buddist Conquest China. — Leiden, 1959. — P. 24. См. также Штейн В.М. Экономические и культурные связи между Китаем и Индией в древности. — М., 1960. — С. 163.

- ²¹ *Maspero H.* Le songe était l'ambassade de l'empereur Ming, étude critique de sources//BEFFOX. — Paris, 1910. — P. 95—130.
- ²² *Zurcher E.* Op. cit. — P. 24.
- ²³ *Chavannes E.* Les pays d'Occident d'après Wei-liao//TPV. — 1905. — P. 514—576.
- ²⁴ *Zurcher E.* Op. cit. — P. 27.
- ²⁵ *Baggchi Ph. Ch.* India and Central Asia. — Calcutta, 1955. — P. 89.
- ²⁶ *Бичурин Н.Я.* Указ. соч. — Т. II. — С. 188.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Горбунова Н., Ивочкина Н.* Момент Ушу из могильников Ферганы//Сообщения Государственного Эрмитажа. — Т. III. — Л., 1988. — С. 45—50.
- ²⁹ *Литвинский Б.А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. — М., 1978. — С. 16.
- ³⁰ *Ртвеладзе Э.В.* Китайский импорт в Центральную Азию по археологическим данным. (В печати.)
- ³¹ *Бичурин Н.Я.* Указ. соч. — Т. II. — С. 216—240.
- ³² Там же. — С. 217.
- ³³ Там же. — С. 218—219.
- ³⁴ Там же. — С. 225.
- ³⁵ Там же. — С. 217—225.
- ³⁶ Там же. — С. 241.
- ³⁷ Там же. — С. 241—243.
- ³⁸ *Малявкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. — Новосибирск, 1989. — С. 64.

Статья поступила в редакцию в декабре 1997 года.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЛАОССКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ (ЛНДР) И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ

Пхонмапанья К х а м п х о н г* (Лаос)

В течение более 100 лет Лаос, Вьетнам и Кампучия находились под колониальным игом Франции, Японии и США.

Революционная борьба народов трех стран была тесно связана единой стратегией. Три братские партии вышли из компартии Индокитая, создателем которой являлся Хошимин. Большое влияние на

* Аспирант кафедры государственного и международного права Казанского государственного университета.